

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

1988

Октябрь 1988
ISSN 0132-1943



МУРЗИЛКА

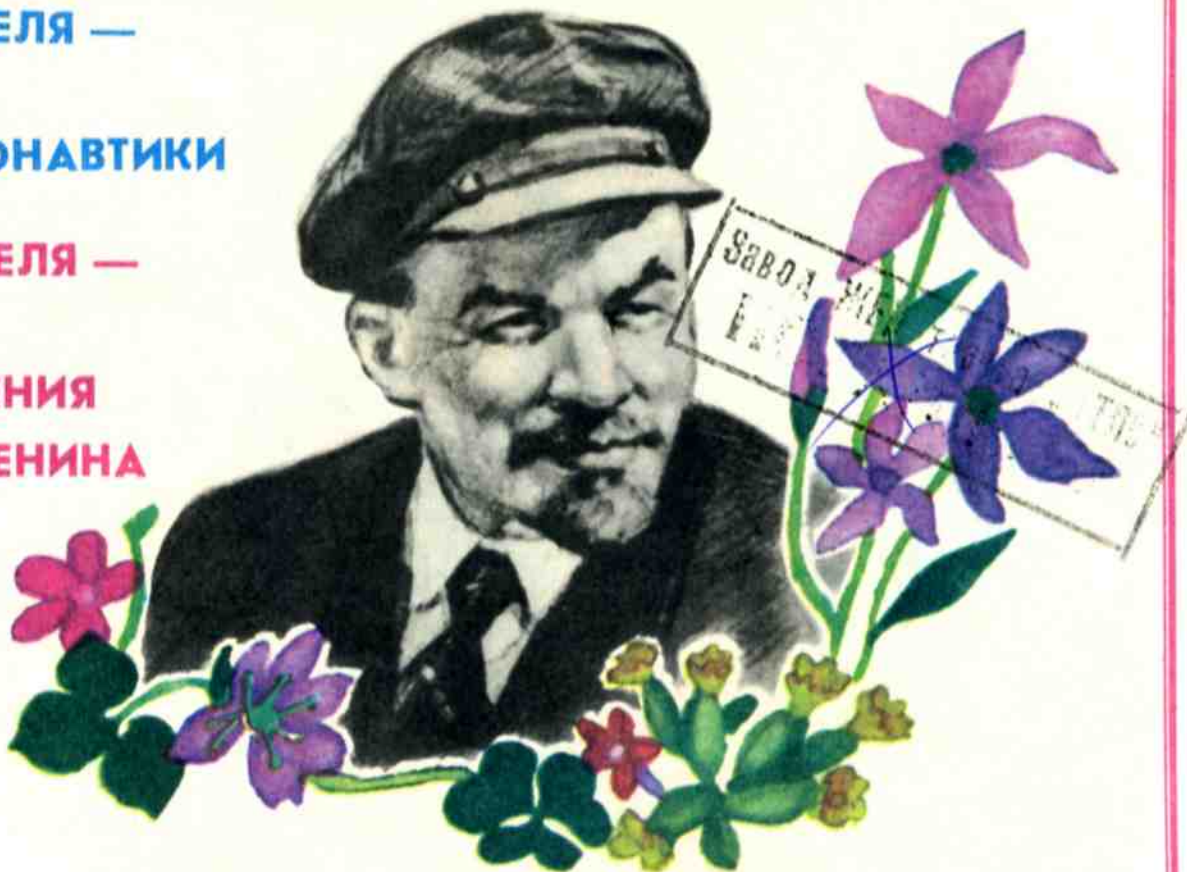




© «Муранка», 1988 г.

**12 АПРЕЛЯ —
ДЕНЬ
КОСМОНАВТИКИ**

**22 АПРЕЛЯ —
ДЕНЬ
РОЖДЕНИЯ
В. И. ЛЕНИНА**



апрель

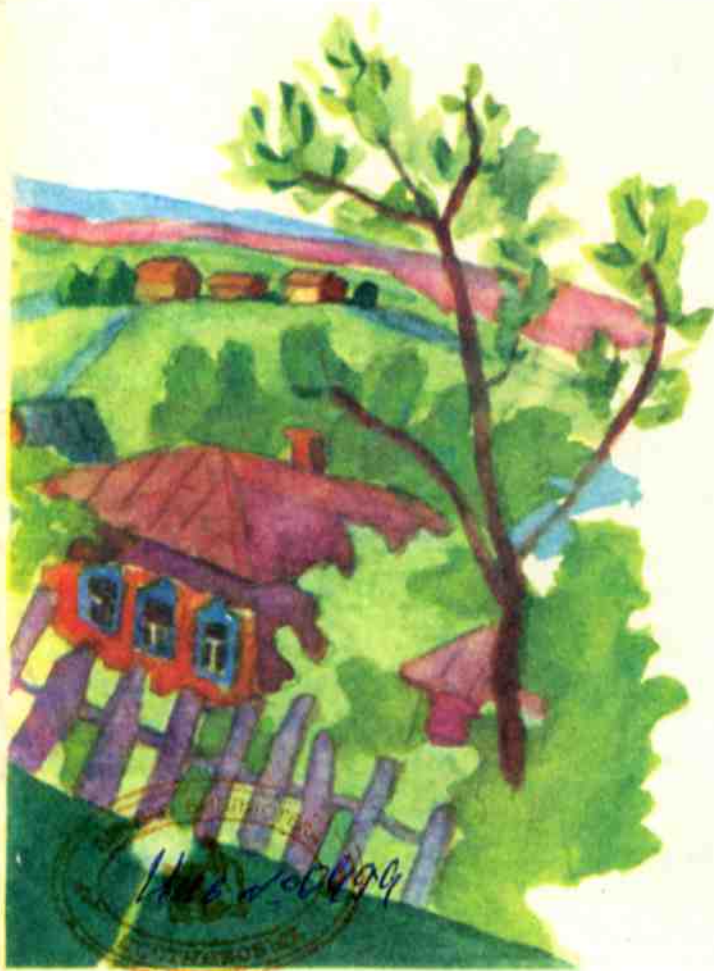
М. СТЕЛЬМАХ

Зеленеют леса в апреле,
Зацветают поля и луга.
Снова речки все посинели
И не входят в свои берега.

Дети в школе венок весенний
На портрет Ильича сплели.
Ведь в апреле родился Ленин,
Вождь трудящихся всей земли.

*Перевела с украинского
З. АЛЕКСАНДРОВА*

Рис. З. ПОЗДНЯКОВОЙ



Владислав
Бахревский

Окончание

Арсюша и другие ШЕСТИ- ЛЕ- ТОЧ- КИ



УРОК НА УЛИЦЕ

Первый класс получил задание: узнать цену деньгам.

— На этом уроке, — сказала Мария Васильевна, — классом у вас будет улица, учителями — встречные люди.

Ребята вышли со школьного двора и увидели, как возле автоматов с водой остановился грузовик. Пока шофёр пил воду, к нему подбежала храбрая Люсечка.

— Дяденька, у нас важное дело! Нам надо узнать цену деньгам.

— Знание нужное, — согласился шофёр. — Ну, что вам сказать? У хорошего шофёра и заработки хорошие.

— А сколько вам платят за один день?

— Платят за месяц. Но если посчитать, — шофёр почесал в затылке. — Учите математику, ребята! Пригодится. Сколько же это будет за день-то? Пожалуй... девять рублей. А если с премией, то и все десять.

Грузовик уехал.

— Вот, Филинов! — сказала Анжела. — Чтобы заработать твою десятку, человек должен трудиться с утра до ночи.

— Не с утра до ночи, а восемь часов, — уточнил Петрушин.

Улица, где стояла школа, была не многолюдная. Ребята посмотрели туда и сюда: и через дорогу, в скверике, заметили бабушку на скамейке.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась к бабушке Люсечка, — сколько денег вы зарабатываете за один день? У нас такой урок — узнать.

— Хорошо вас стали учить, — похвалила школу бабушка. — Только я плохая вам помощница. Я теперь не работаю, отдыхаю. А за прежний мой труд — я ткачихой была — государство мне платит пенсию. Сто двадцать рублей в месяц.

— А сколько вы наткали? — спросила беленькая Оля.

— За всю жизнь, что ли? — улыбну-



лась бабушка. — Много! Я за одну только смену выработывала полторы тысячи метров ткани.



Уходили ребята от бабушки, оглядывались. Вот это бабушка!

Потом посчитали, и у них вышло, что за прежнюю работу государство платит старой ткачихе четыре рубля в день.

Тут навстречу ребятам — солдат. Петрушин Люсечку отодвинул и сам спросил:

— Товарищ рядовой, разрешите обратиться!

— Обращайтесь, — разрешил солдат.

— Сколько рядовой получает денег за один день?

Солдат даже засмеялся.

— Государство нас кормит, обувает, одевает и даёт нам на карманные расходы семь рублей в месяц.

— В месяц! — ахнули Оли.

— Солдат не на работе, на службе. Служба — долг. А долг — дороже любых денег.

Рядовой отдал ребятам честь и пошёл своей дорогой.

Тут Петрушина и осенило.

— Ребята! — сказал он. — А давайте сами заработаем десять рублей.



— Как ты их зарабатываешь? — спросили братья Горшковы. — Мы же — маленькие.

— Соберём и сдадим макулатуру. Приёмный пункт возле нашего дома.

Сказано — сделано. Витя Акулов привёз из дому коляску. Побежали по квартирам, по конторам, на четвёртый этаж, на пятый этаж, всё бегом, бегом, да с грузом! Бумага — ого! — какая тяжёлая. Наташили полную коляску, и у каждого в руках по связке.

Дотащили до приёмного пункта, приёмщик взвесил на весах всё, что было в коляске, всё, что принесли, и получилось — 115 килограммов.

— Ай да мы! — изумилась Люсечка.

— Ура! — закричали ребята.

— Не шумите, это вам не школа, — строго сказал приёмщик. — Получите расчёт. Кто у вас за старшего?

И посмотрел на Петрушина. Петрушин получил деньги. Ребята окружили его.



— Сколько? — спросили Горшковы. Петрушин разжал ладонь.

— Рубль и рубль — два, — подсчитала Люсечка, — двадцать копеек и десять — тридцать. И всё?

— Килограмм стоит две копейки, — сказал приёмщик.

И пошли ребята по улице, призадумавшись. Вон как они, деньги-то, даются.

И тут их обогнал высокий человек в рабочей каске, с рукавицами за ремнём.

— Товарищ! Дяденька! — спохватилась Люсечка. — У нас такой урок. Нам нужно знать цену деньгам. Скажите, кто вы и сколько зарабатываете за один день?

Товарищ остановился, улыбнулся.

— Я, ребята, строитель. Мы работаем на совесть и получаем по работе. По четыреста, а то и по пятьсот рублей в месяц. Видите эти многоэтажки? Моя работа. — И поднял большую сильную руку. — Привет учащемуся народу.

— Сколько же это в день? — спро-

сил Арсюша Люсечку, когда ребята остались одни.

— Да при чём тут деньги? Вы посмотрите, дома какие! — сказал Петрушин. — Двадцать четыре этажа. Это вам не макулатура.

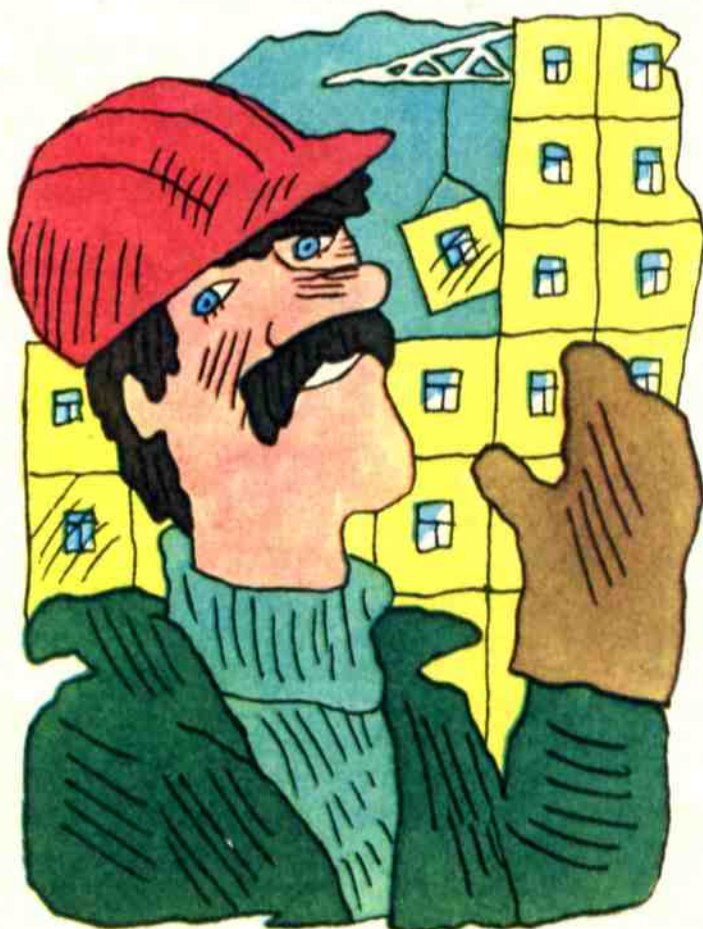
И первый класс опять призадумался.

ОТКРЫТИЕ

Арсюша знал: Земля круглая. Никто ему этой тайны не открывал, никто его этому не учил. Просто это знают все с самого рождения. По телевизору Землю круглой показывают. Но теперь, в учениках, Арсюша решил проверить своё знание на деле. Капитану просто, он вместо того, чтобы плыть на запад, прикажет команде плыть на восток, и всё равно прибудет в нужное место.

А вот Арсюше в школу надо было идти от дома направо по улице, и он сильно сомневался, что попадёт в школу, если отправится, как капитан, налево. Но попробовать-то надо. И однажды Арсюша встал на целый час раньше и пошёл в школу по дороге, которая вела в другую сторону. Только ведь он простаком-то не был. Шёл налево, но всё время сворачивал налево же. Всё налево, налево, налево. И вышел на тихую липовую аллею. Машины по этой улице не ездили, и Арсюша услышал птиц. Птицы пели в деревьях, как в настоящем лесу. Арсюше хотелось рассмотреть певуний, но он только прибавил шагу. Шёл уже долго, а школы всё нет и нет. И вдруг показалась зебра!

Это была не та «зебра», которую рисуют на бойкой улице на асфальте. Это была просто зебра. С хвостом, с ушами и с Васей Альбатросом. Вася прошёл по улице с зеброй как ни в чём не бывало. И Арсюша смотрел на них, смотрел... И решил: надо попросить папу, пусть он привезёт зайца. Вася Альбатрос ходит с зеброй, а он, Арсюша, будет ходить с зайчиком. Даже заскакал по-заячьи. Да и призадумался: заяц не собака, чтоб водить его на поводке. Со-



ТРУДНЫЙ, НО И СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ



баки-то ещё и набегут. Нет, пусть заяц в лесу прыгает.

Арсюша заторопился в школу, всё налево, налево, и вдруг его остановило новое великолепное чудо. Этим чудом было дерево. Огромное, с огромными листьями и всё в белых, похожих на свечи, цветах. Дерево гудело как колокол, это пчёлы собирали мёд с цветов.

— Любуешься? — перед ним стоял улыбающийся старик.

— Любуюсь, — признался Арсюша.

— Это — каштан. Ему пятьсот лет, а он цветёт, как молодой.

— До свидания, — сказал старику Арсюша и пустился бегом в школу, всё налево, налево.

И вот она!

— Филинов?! — удивилась Мария Васильевна. — Ты знаешь, какой теперь урок?

— Нет! — признался Арсюша.

— Третий! — хором сказали ребята.

— Ужасно! — сказал Арсюша. — Но зато я открытие сделал: Земля, ребята, круглая. Честное слово!

В школе каждый день какая-нибудь новость. Привезли для шестилеток новые столы. Столы новёхонькие, удобные, но это были столы-разлучники.

Перестановку сделали на перемене. Десять парт вынесли, а внесли двадцать столиков. Каждый на одного ученика.

— Ура! — закричала Люсечка. — У меня теперь своё королевство.

Братья Горшковы насупились. Они всегда, везде привыкли быть вдвоём. А Арсюша загоревал. Он подошёл к Петрушину, обнял его и сказал:

— Прощай, милый Петрушин. Мне тебя будет не доставать.

Это была правда, хоть Петрушин и лягался, как лошадь. Но кто помнит о худом в минуты прощанья?

Петрушин растрогался, хотел подарить Арсюше свой любимый значок: чайку над синей вспененной волной.

— Спасибо, — сказал Арсюша, — значок ты всё-таки сам носи. У меня нет такого красивого значка, но у меня есть живой филин.

— В зоокабинете, что ли? — спросил Витя Акулов.

— В зоокабинете, это мой родственник. А сегодня я видел чудо. Нигде такого не увидишь!

И тут возмутилась Люсечка.

— Я тебя, Филинов, защищала, а теперь не буду. Ты всё время выдумываешь глупости. Мы тебе вот ни столечко не верим.

И она показала ноготь на мизинце.

— Арсюша, не сдавайся! — ободрил бывшего соседа Петрушин. — Давай показывай свои чудеса.

— Пожалуйста, — согласился Арсюша и повёл ребят к зоокабинету.

На филина смотрели в замочную скважину. Братья Горшковы поставили перед собой Арсюшу, поглядели на него повнимательней и сказали:

— Похож! Уши торчат. И глаза такие же.

— А крыльев нет! — крикнула Люсечка.

— Крыльев у меня нет, — вздохнул Арсюша. — Но я без крыльев учусь летать. Понемножку. Во сне уже получается.

К первакам подошли старшекласники. Узнали, в чём дело, и спросили Арсюшу:

— Это тебя тигр куснул?

— Оцарапал! — солидно поправил старшекласников Петрушин. — Он, между прочим, знает, где одно чудо есть.

Старшекласникам захотелось поглядеть на Арсюшино чудо. У шестилеток была по расписанию прогулка, и Мария Васильевна отпустила их под присмотр старших.

Арсюша повёл ребят к древнему каштану.

Дорога была не очень-то длинной.

— Вот! — сказал Арсюша, улыбаясь цветущему дереву.

— Это — чудо? — закричала в лицо Арсюше Люсечка.

— Это же дерево. — Петрушин даже отвернулся от бывшего соседа.

— За то, что обманул, получишь по щелбану от каждого! — объявили Арсюше старшекласники.

— Я ему первая щёлкну! — очень и очень сердилась Люсечка.

Арсюша посмотрел на каштан. Каштан был прекрасен. Его свечи сверкали на солнце. Пчёлы гудели в нём. И ему, этому каштану, было пятьсот лет.

— Бейте щелбаны! — сказал Арсюша и прислонился спиной к каштану.

— Мы не будем щёлкать, — сказали братья Горшковы.

— И мы, — сказали все три Оли.

— А ну без разговоров, стройся! — приказали старшекласники.

«Неужели каштан не защитит меня?» — подумал Арсюша, и в тот же миг раздался лёгкий, звонкий цокот.

По аллее на золотом коне скакал Вася Альбатрос.

— О! Да это мой друг Арсений! — узнал он, останавливаясь возле каштана. — Что здесь происходит?

Старшекласники поскорее зашли за спины малышей.

— Я привёл показать каштан! — сказал Арсюша.

— Да, это наш Илья Муромец, — согласился Вася Альбатрос. — Пятьсот лет богатырю.

И предложил маленькому другу:

— Давай руку! Прокачу на лихом скакуне.

Арсюша шагнул к лошади, но руку убрал.

— А как же они? Я один не могу.

— Понимаю, — снова согласился Вася Альбатрос. — Ну что ж, подождите меня. Я скоро вернусь.

Но вернулся Вася не так-то уж скоро. Нетерпеливая Люсечка опять стала капризничать:

— Твой Вася такой же выдумщик и обманщик, как и ты!

Но Вася прибыл! На огромной двухколёсной арбе. А запряг он в арбу... верблюда!

И поехал первый класс по городу на верблюде, на двухколёсной арбе. И всё это было точь-в-точь, как приснилось Арсюше.

— Весна, а погода совсем летняя, — сказал Вася Альбатрос. — Какой вы класс кончаете?

— Первый! — ответили ребята.

Верблюд выступал торжественно, люди останавливались и смотрели на сияющие лица ездовых и сами улыбались, светились, сияли. Человек, когда улыбается, ведь очень, очень похож на солнышко.



Рисовал В. Дмитриук



Валентин БЕРЕСТОВ

лети!

На рассвете птица-мать
Учит птенчика летать.
Уговаривает,
Приговаривает:

— Вон ракета. Из металла,
А смотри, куда слетала —
И не испугалась!
Самолёт тяжеловесный
Рассекает свод небесный —
И не боится!



ВАЛЕНТИНУ
ДМИТРИЕВИЧУ
БЕРЕСТОВУ —
60 ЛЕТ

РЕДАКЦИЯ
И РЕДКОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА
«МУРЗИЛКА»
ПОЗДРАВЛЯЮТ
ЮБИЛЯРА!

Облака — сплошная вата,
А летят, летят куда-то.
А ты — нет!

Нет, мой мальчик, ты не птица!
Птица неба не боится.
А ну, лети!

●
Любили тебя без особых причин
За то, что ты — внук,
За то, что ты — сын,
За то, что малыш,
За то, что растёшь,
За то, что на папу и маму похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.



песенка весенних минут

Что ни сутки,
По минутке
День длинней,
Короче ночь.
Потихоньку,
Полегоньку
Прогоняем зиму
Прочь!

апрель

В апреле, в апреле
Луга запестрели.
Крапивы немного
Домой притащи —
Пусть бабушка сварит
Зелёные щи!

май

Фиалки, ландыши для нас
Весёлый май в тиши припас.
Но мы их обрывать не будем.
Пускай цветут на радость людям!
А кто в лесу не новичок,
Найдёт весенний гриб — сморчок.

Рис. Т. АЛЕКСАНДРОВОЙ



богатыри



На лбу бывали шишки,
Под глазом — фонари.
Уж если мы — мальчишки,
То мы — богатыри.

Царапины. Занозы.
Нам страшен только йод!
(Тут, не стесняясь, слёзы
Сам полководец льёт.)

Пусть голова в зелёнке
И в пластырях нога,
Но есть ещё силёнки,
Чтоб разгромить врага.

Упрямые, с утра мы
Опять на бой, в дозор!
...От тех сражений шрамы
Остались до сих пор.





Журнал начал издаваться в 1957 году на белорусском языке. В первый номер журнала прислал свое приветствие известный детский писатель Янко Мавр. Он писал: «Дорогие маленькие друзья! Вот и к вам пришёл новый журнал. Знакомьтесь с ним, читайте и перечитывайте, подружитесь с ним — и вы увидите, что он может быть вашим добрым, отзывчивым и весёлым товарищем. Когда вы с ним подружитесь, то непременно почувствуете, что вам легче стало жить. А когда подружитесь ещё и с другими книгами, тогда пятёрки так и посыплются в ваши портфели. Это я хорошо знаю по себе».

Приветствовали «Вясёлку» и другие писатели, которые потом стали верными друзьями журнала.

Но особенно радовались журналу маленькие читатели. С каждым годом число их росло. Теперь «Вясёлку» выписывают и за пределами Белоруссии, во многих городах России, на Украине, в Узбекистане, в Литве и в других странах — Польше, Болгарии.

Дорогие читатели «Мурзилки»!

Прочитайте в этом номере произведения белорусских писателей — авторов «Вясёлки».

*Главный редактор журнала «Вясёлка»
Владимир ЛИПСКИЙ.*

У НАС В ГОСТЯХ
ПИСАТЕЛИ БЕЛОРУССИИ
И ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЯСЁЛКА» —
«РАДУГА»





Я — белорус!

Нил ГИЛЕВИЧ



Я — белорус. Не зря горжусь я
Любовью к отческим местам.
О доброй славе Беларуси
На свете знают неспроста.

Я — белорус и тем счастливый,
Что мать мне речь мою дала,
Что милых песен переливы
Земля родная родила.

Я — белорус рождением, корнем,
Хоть невелик, а всё ж скажу:
Я из породы непокорных,
Перед бедой не задрожу!

Я — белорус, и поклянусь я
Под стягами из кумача,
Что ни на шаг не отступлюсь я
От заповедей Ильича!

Перевёл Юрий МОГУТИН

Рис. В. ДУВИДОВА





как васька блин стал генералом

Алесь ШАШКОВ



Нас было четверо: Лёнька Гром, Петька Грук, я — Митька Верас и — Блин. На самом деле его звали Васькой Радкевичем, но для нас он всегда был просто Блин.

Да что там Блин! Мы давали Ваське самые немыслимые прозвища, а он лишь хлопал своими чёрными глазами — и молчал. Молчал, потому что знал: возразишь — и тут же схлопочешь десять суток «строгача». А как же! Ведь мы, все трое, его командиры.

Блин же был у нас рядовым. Это он, «развернувшись в боевой порядок», бегал следом за «генералом», Лёнькой Громом, штурмовал одну крепость за другой. За ним, тяжело дыша, танком пёр напролом толстый Петька Грук, наш начальник штаба. А потом уже скакал я, комиссар дивизии. Мы с ходу выбивали врага из окопов, бросали пластмассовые бутылки с водою и вопили, видя, как падают от взрывов наших гранат вражеские солдаты. После каждого такого боя мы возвращались на свою базу, строились, и Лёнька Гром прикреплял нам, своим офицерам, боевые ордена — разноцветные значки.

Рядовой Блин стоял молча. Получив медаль — костяную пуговицу, — он упавшим голосом говорил: «Опять медаль», — и, ни на что не надеясь, просил дать ему если не орден, то хотя бы звание сержанта.

Так, наверное, прошло бы ещё немало дней, если бы не один случай.

В тот тихий солнечный день мы штурмовали вражеские укрепления на другом берегу нашей реки. Васька Блин помогал отцу ремонтировать крышу. И командовать нам было некем. Поэтому Лёнька Гром, усмехнувшись, объявил:

— Иду в разведку сам. Услышите крик совы — сразу же плывите ко мне на тот берег.

Лёнька неохотно разделся, втянул голову в плечи и так плюхнулся в воду, что на вражеском берегу встревоженно загомонили гуси. Мы с Петькой залег-

ли в траве и стали наблюдать за своим командиром, но видели мы только его руки, мелькавшие в золотистых брызгах. И вдруг Лёнька... скрылся.

— Глубину проверяет, — авторитетно заявил Петька.

Но тут Лёнька вынырнул, замахал руками, и мы ясно услышали его беззвучное «спа-а-си-и-те!». С перепугу мы не знали, что делать, бегали вдоль берега и тоже кричали. А Лёнька уже и кричать не пробовал. Он на какое-то мгновение то появлялся на поверхности воды, то вновь исчезал.

И здесь мы увидели Ваську Блина. Не раздеваясь, он прыгнул в реку и быстро поплыл туда, где только что в последний раз показалась голова нашего командира. От страха, что сейчас не станет и Васьки, мы с Петькой кинулись кто куда...

Про всё, что было потом, мы узнали уже у Лёньки дома. Блин вытащил его. Лёнька быстро пришёл в себя и вновь появился на нашей базе:

— Марш на позиции!

Опустив глаза, мы поплелись за своим командиром. У меня горели уши, а Петька шмыгал носом и упрямо глядел на свои белые от пыли ботинки. Блин, увидев нас издали, подбежал и, как всегда, встал перед нами по команде «смирно».

— Отставить, — махнул рукой Лёнька, затем повернулся ко мне и Петьке и сурово сказал: — Теперь наш командир — Вася Радкевич. А мы — его солдаты. Ясно? Встать в строй!..

И снова все вместе мы штурмовали вражеские крепости, брали доты и блиндажи, форсировали реку. Но командовал нами уже Васька Блин, наш новый «генерал». Он награждал нас медалями за отвагу, а мы благодарно принимали их и даже не отваживались попросить звание офицера.

Перевёл Игорь МАЗНИН

Рис. А. СЕМЕНОВА

Василь ХОМЧЕНКО

ХЛЕБ

— Дедушка, куда это ты собрался? — спрашивает внук.

— Поле пахать.

— А зачем его пахать?

— Рожь посею. А как поспеет рожь — убери. Потом смолочу. Хлеба напеку. От хлеба — сила!

— А зачем тебе, старому, сила?

— За плугом ходить, поле пахать, рожь сеять. Много силы нужно, чтобы хлеб хороший уродился.

— Да на что тебе, дедушка, столько хлеба? Неужто весь съешь?

— Ты, внучек, поможешь.

— Тогда бери меня с собой — я тебе и в поле помощником буду.



ВЕНИКИ

Навязал Петя берёзовых веников. Развесил их под крышей сарая — любо-дорого поглядеть, как хороши веники. «На всю зиму хватит, — радовался Петя. — Здорово берёзовым веником в бане париться, когда мороз на улице!»

А зима и впрямь пришла суровая, студёная, да такая снежная, что сугробы до самой крыши сарая выросли.

Вот затопили как-то баньку, побежал Петя веник выбрать — а на верёвке-то лишь огрызки покачиваются. Чуть не расплакался Петя. Пришёл домой:

— Пропали веники! Украл кто-то.

— Погоди, — говорит отец. — Сейчас разберёмся.

Подошли они к сараю, а кругом следы натоптаны. Небольшие такие следы. Совсем маленькие.



Рис. А. МАКСИМОВА

Перевёл А. ДОРОФЕЕВ

30XII 87

— Вот они, похитители! — улыбнулся отец. — Зайцы да косули. Подкрепились вениками и думают — какой Петя молодец! Выручил в тяжёлую пору. Жаль, веников маловато...

Отлегло у Пети от сердца. А уж следующим летом хлопот у него было! Заготавливал веники на любой вкус — и берёзовые, и осиновые, и дубовые... Пожалуйста, приходите кормиться, теперь всем веников хватит. Да и для бани останется!

ЧЕЛОВЕК

Спросил сын у отца:

— Как человеком стать?

— Посади яблоню, — сказал отец.

Посадила яблоню. Выросла яблоня. Да и сын подрос. Принёс он отцу яблоки.

— Теперь я человек?

— Дом построй и детей выходи.

Быстро время идёт — сложил сын избу. Жену привёл. Дети уже у них подрастают. Всё как у людей честных.

А отец говорит:

— Настоящий человек — храбр и добр. Таков ли ты — не знаю.

Пришла война на их землю, и пошёл сын защищать Родину. Не раз на волосок от смерти был. Но выжил, одолел врагов, вернулся домой. Разруха кругом — горе вдове да сиротское. Взял сын в семью трёх сирот.

К той поре отец его совсем состарился. Да хоть седа его голова, очи далеко видят. Говорит ему сын:

— Всё я сделал, как ты наказывал. Там, где яблоню посадил, сад шумит, и люди плоды его собирают. Дом построил себе и вдове солдатской. Шестерых детей на ноги поставил. За Родину кровь проливал. Теперь-то человек я?

Улыбнулся отец:

— Спроси про то у детей своих...



я слушаю лето

Василь ВИТКА

Эди ОГНЕЦВЕТ

ВОТ Я ДАЛ

— Вот я дал ему!
— Кому?
— Забияке тому.
Мне одно только жаль:
От меня он убежал.
— Так чего ж ты лежишь,
Сам за ним не бежишь?
— Нет, ещё полежу,
Вслед ему погляжу.
Пусть вернуться он посмеет —
Убежать всегда успею.

ПИЛА

Наша острая пила —
Не пила,
А пела.

Не пила,
Не ела,
Ни разу не присела.

Звонко пела,
Как могла,
Развесёлая пила.

Напилила дров —
Будь, хозяин, здоров!

Перевёл Я. АКИМ

Рис. О. ЭСТИСА





Я летом не только лучи собирала,
 Не только лишь ягод лесных огоньки,
 А тропок молчанье
 в кустах краснотала,
 И грохот грозы,
 и журчанье реки.

И звуки задорно звенящего горна,
 И песни колосьев,
 и шелест листвы,
 И аистов клёкоты
 там, где просторно
 Ветрам и зарницам,
 и трепет травы...

Теперь вся земля белым снегом одета,
 Но мне и теперь хорошо, и зимой;
 Я слушаю лето, зелёное лето —
 Входите,
 послушаем вместе со мной!

Перевёл Игорь МАЗНИН

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ



**Настоящий
 мореплаватель**

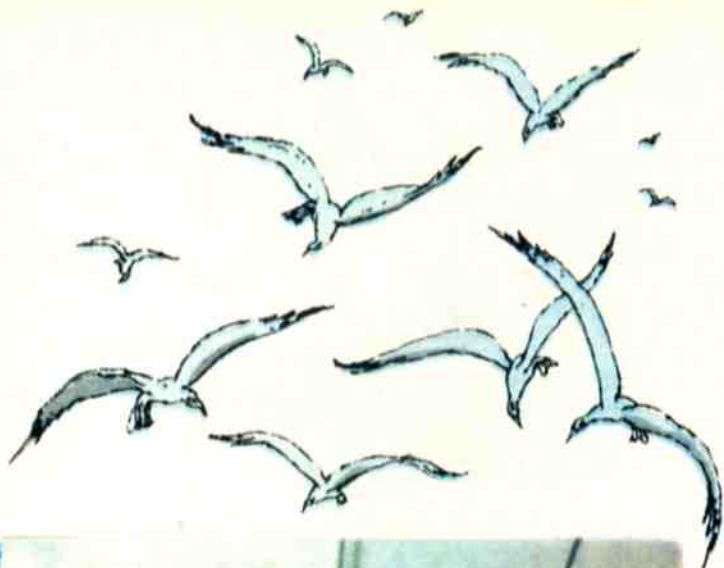
Олимпиадник

Корреспондент «Олимпиадика»
 Марина МОСКВИНА

*«На свете есть
 столько интересного,
 аж шерсть встаёт дыбом,
 когда вспоминаешь об этом».*
 Из мемуаров папы Муми-тролля

Сказать, почему хорошо быть взрослым? Если ты не перестаёшь мечтать, о чём мечтал в детстве, то во взрослом состоянии ты можешь САМ ВСЕ ЭТО исполнить. Я, например, хотела под парусом, только не в одиночку, пере-сечь океан или, по крайней мере, по-дружиться с настоящим мореплавате-лем. Из этих двух исполнилось моё вто-рое желание: прошлым летом в городе Таллине на парусных гонках — Бал-тийской регате.

По дорогам Эстонии из разных стран мира на грузовиках плыли к парусно-му центру яхты. Они покачивались над



синими бортами машин, будто бы лодки перевозят с кусочком моря, как пересаживают дерево с дёрном и землёй.

Я выбрала мореплавателя огромной вышины, старше других, с бородой и с усами, и он чуть побольше, чем остальные, имел вид выдавшего вида человека. Он нёс табличку с надписью «США» и был похож на моего хорошего знакомого Гришу.

Вы, конечно, поймёте, если я скажу, как просто выбрать и как это трудно — познакомиться и подружиться. Особенно если мореплаватель — его звали Август Миллер — ни слова не говорит по-русски, а ты не слишком-то силён в его родном английском языке.

Я дождалась утра и отправилась на поиски Августа.

Август — я про него кое-что разузнала — свою лодку из Америки не привёз. Только паруса — три грота. Один на шторм, другой на средней силы ветер, а третий на слабый.

Лодку дали ему эстонцы — лёгкую, голубую, как раз такую ему нужно — в классе «Финн». А в этом классе яхтой управляет один-единёшенек рулевой.

Каким, наверное, Август, я думала, чувствует себя заброшенным чужестранцем. Как он сейчас — одиночка — прилаживает к нашей мачте свой одинокий заграничный парус? К тому ж он был профессор, преподаватель химии в



Рис. Л. ТИШКОВА

Мичиганском университете, а профессора — люди задумчивые и рассеянные. Мало ли, важный сигнал поднимут на флагштоке! Скажем, флаг «у» с гудком означает: «Спасательные жилеты должны быть надеты!» А он это дело прокараулил? Да как он яхту-то в одиночку спустит на воду? Шутка ли — сто пять килограммов!..

Но велико было моё удивление, когда я обнаружила Августа в дружеской компании злейших его соперников. Они всю помогали друг другу, каждую яхту вместе несли по спусковой горе на руках. Августа все звали просто Гаст и на «ты», но в этом «ты» звучало что-то братское, морское, своё и уважительное.

Ясно было, что я здесь сбоку припёка. Август не обращал на меня ни малейшего внимания, а вот я на него обращала внимания много. Я УЖЕ с ним дружила, хотя он об этом не подозревал. Он одной ногой встал на нос яхты, другой оттолкнулся от причала.

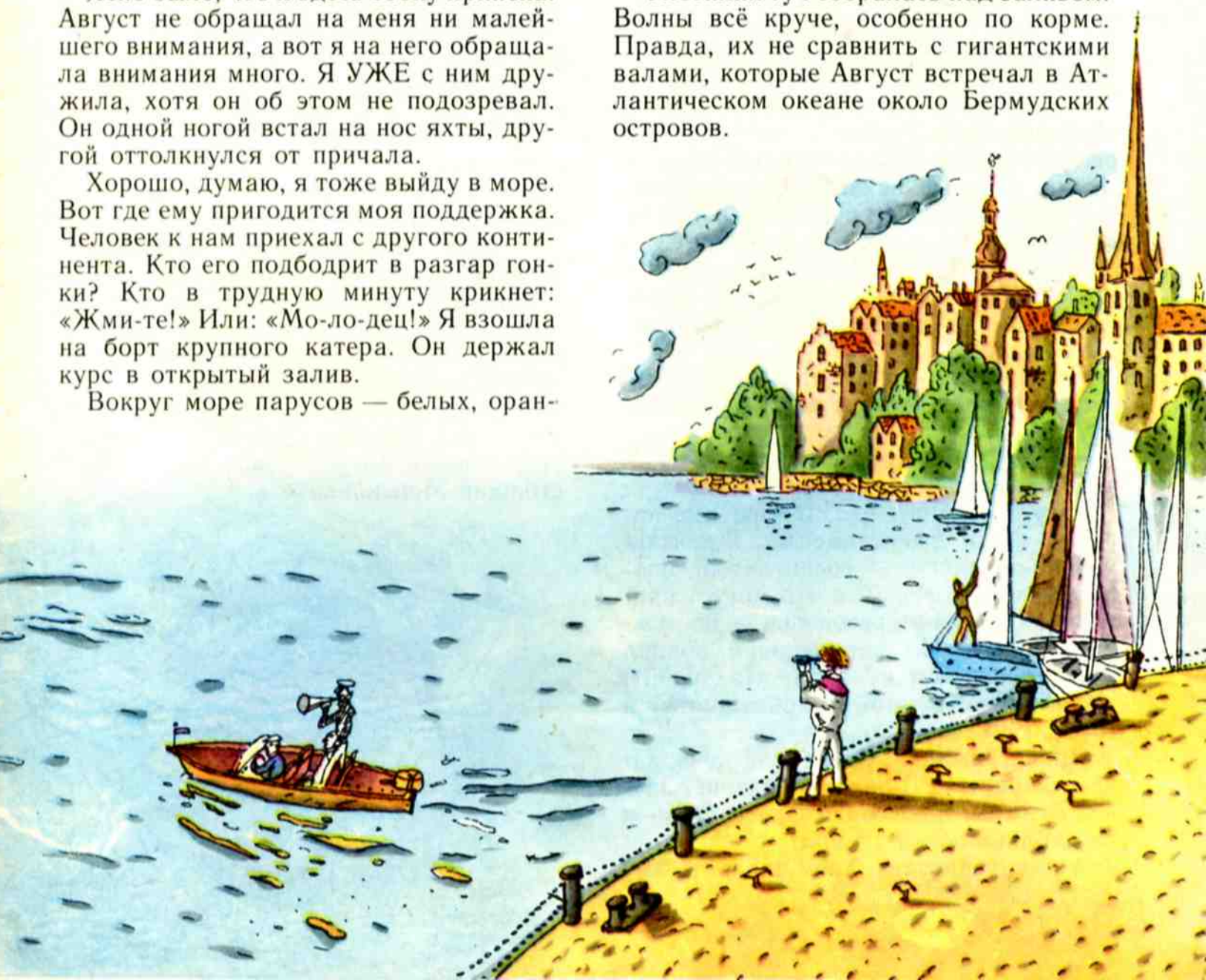
Хорошо, думаю, я тоже выйду в море. Вот где ему пригодится моя поддержка. Человек к нам приехал с другого континента. Кто его подбодрит в разгар гонки? Кто в трудную минуту крикнет: «Жми-те!» Или: «Мо-ло-дец!» Я взшла на борт крупного катера. Он держал курс в открытый залив.

Вокруг море парусов — белых, оран-

жевых, фиолетовых, лимонных. Ветер — только шапки придерживай! В разрывах туч — самолётные полосы и чёрно-головые чайки с серебряными рыбками в клювах. Старт! Против ветра — зигзагами — пошёл в лавировку Август на «Финне» под номером 975.

Ему было семь лет, когда он на маленькой лодочке — её сделал папа Августа — впервые отправился в плавание под парусом. Туда его нёс попутный ветер. Обрато он — тайно — тащил свою лодку по берегу озера. Боялся, весь штат Род-Айленд будет смеяться над ним, что он не сумел приплыть домой. Тогда он ещё не знал, какое это искусство — идти под парусом навстречу ветру.

Флотилия туч собралась над заливом. Волны всё круче, особенно по корме. Правда, их не сравнить с гигантскими валами, которые Август встречал в Атлантическом океане около Бермудских островов.



Но таких переменчивых ветров, как в Таллинском заливе, ему нигде не попадалось. То в нос дуют, то в корму, то в левый борт, то в правый. То штиль, то шквал!.. А есть ещё ветер под названием «трамвай». Он дует в одну сторону с одинаковой силой. И яхты при этом идут с одной скоростью, как вагоны, — не вырвешься вперёд.

Я гляжу на Августа в капитанский бинокль. Он в непродувайке-непромокайке, красных по колено штанах, полосатых гетрах. Весёлый козырёк алел у него на лбу. Грот ложился на ветер, как птичье крыло. За ним исчезали и появлялись острые башни Таллина.

Нет, никак невозможно плыть рядом и кричать «жмите, Август!». Потому что мой катер в сравнении с яхтой всё равно что могучий кашалот по сравнению с плотвичкой. Мы загородим ему ветер, и вместо дружбы получится скандал.

К тому же Август был явно погружён в размышления. Говорят, именно в море его осеняют научные идеи в области химии, которые не давались на суше. И вообще есть о чём подумать, когда ты мчишься, не чуя под собой земли...

Кто-то на парусной доске обогнал его, прямо перед Августом обогнул буёк, но сделал это слишком резко и бултыхнулся в воду.

По правилам гонки яхтсмен яхтсмену не помощник. Ведь есть спасательные катера.

Но правило правилом, а морская взаимовыручка?

Август говорит, что в море под парусом место джентльменам. Джентльмен по-английски — воспитанный, благородный человек. Так что Август притормозил и поинтересовался — не нужно ли чего? Но потерпевший поднял руку со сжатым кулаком, что значит: «Благодарю. С этой неприятностью я справлюсь сам».

Прошла неделя. Последний день, закрытие регаты. Шло награждение. Звучали гимны, поднимали флаги стран и республик-победительниц!

А я ищу Августа. Хочу подарить ему

книжку. Сказку «Чёрная курица» на английском языке. Ну и что же, что он не победил? Первое место для него не главное. Куда важнее для Августа — радость встречать людей, путешествуя по Земле, и плыть под парусом по океанам. А океаны, начертано на плакате Балтийской регаты, разъединяют материки и объединяют народы.

И вдруг я поняла, что это совсем не трудно — познакомиться и подружиться. Нужно только набраться духу, зашагать навстречу, улыбнуться и сказать: «Хау ду ю ду! Привет!..»

В ответ Август пригласил меня прокатиться на яхте! Наше совместное плавание длилось пять минут!.. Потому что Августу пора было улететь к себе домой в Энн-Арбор. Но я успела спросить: собирается он обойти вокруг света на «Финне»?

— О, это было бы великолепное приключение! — воскликнул Август. — Только если поставить «Финн» на большой корабль!

— Гуд бай, — говорю.

Но Август меня поправил:

— Надо говорить: «Со лонг!» До встречи! Так прощаются моряки.

Морской оркестр гремел на трубах марши. На оркестрантах — белые фуражки. Дирижёр с золотым кортиком на боку!.. Аплодисменты, поздравления, праздник. А я сижу на зачехлённой лодке без паруса. Потому что парус увёз с собой Август — мой друг — Настоящий Мореплаватель.





ЦВЕТЫ ИЛЬИЧУ

Ирина СОКОВНЯ-
СЕМЁНОВА

На берегу Волги стоит старинный город Казань. Немало повидали белые стены и башни за долгий век, много в истории Казани славных страниц. Но самая дорогая связана с Владимиром Ильичём Лениным. В 1887 году он учился в Казанском университете. Теперь университет носит имя Ильича. А маленькая тихая улица, которая раньше называлась Первая гора, стала улицей Ульяновых. На ней, в тени древних лип, стоит небольшой деревянный дом. Тут жила семья Владимира Ульянова, его мать, Мария Александровна, сёстры и младший брат.

22 апреля придут к дому октябрят 3-го класса «Б» 136-й школы. Придут не с пустыми руками, принесут цветочную рассаду: тюльпаны, пионы, ирисы. Заколышется под весенним волжским ветром разноцветный ковёр. Каждый цветок, как отдельная нитка — красная, лиловая, жёлтая. С зимы растили ребята живые нити на окнах класса, ухаживали, поливали, волновались за тонкие стебли, с нетерпением ждали первые листья и бутоны.

Не только на улице Ульяновых появится цветочный ковёр. Школьники Казани украсят все памятные места города: университет имени Ленина, ленинский музей, библиотеку и льнокомбинат.

А придумали это хорошее дело ученицы 8-го класса, октябрятские вожатые Оля, Лена, Элина. Сначала они предложили октябряткам сделать карту города, нанести на неё адреса домов, связанных с именем Владимира Ильича Ленина. Для каждого памятного места в альбоме (на его обложку наклеили карту) есть своя страница. Повзрослеют октябрятки, вступят в пионеры, и станет переходить с ними из класса в класс ленинский альбом.

Мурзилке очень приятно узнавать о таких вожатых, как Оля, Лена, Элина. Он ждёт от октябрят новых писем и напоминает, что лучшие вожатые поедут по путёвке журнала в один из всесоюзных пионерских лагерей — «Артек», «Орлёнок», «Океан».



СОЛОВУШКА

С. РОМАНОВСКИЙ

Я вглядываюсь в фотографию не очень ясную. На ней, как сквозь туман, — Коля Емельянов. В свитере, в «фуфайке», как тогда говорили, ладный, смыслённый. Глаза внимательные. Во время пребывания Ленина в Разливе он часто приезжал посыльным от отца, привозил Владимиру Ильичу свежие газеты, рассказывал о новостях, выполнял ответственное поручение — был дозорным.

Лето было на излёте. В полдень пекло солнце, потом его перебивали дожди. Солнце светило сквозь них, как сквозь слёзы радости, на золотистый стог, похожий на шлем великана; на шалаш у подножия его; на ряды скошенного сена и непочатые травы у восточного края поляны.

Птицы пели реже, и многие из них уже отлетели на юг. Как-то после обеда Ленин сквозь ветви увидел на столешнице своего «зелёного кабинета» стайку ярко-красных, как яблоки, круглых птиц. Они прыгали по столу и по ветвям и изредка подавали голоса:

— Чиу-вичиу!.. Чиу-вичиу!..

Ленин знал и любил этих птиц ещё с детства и оставлял для них на столе корм — горстку семян. Это были чечевицы, или, как их чаще зовут, снегири. Особенно хороши они зимой — на белых крупитчатых снегах словно бы румяные от мороза.

С Колей, который всегда был в дозоре и следил за всеми, кто идёт сюда, у Ленина была договорённость. Если



идёт свой человек, то Коля засвистит по-снегириному:

— Чиу-вичиу...

У Коли это получалось отлично, только, пожалуй, погромче птичьего.

Любуясь снегирями и не решаясь их прогнать, Ленин услышал плачущий крик чибиса:

— Чьи вы?.. Чьи вы?.. Чьи вы?..

Есть в наших лугах такая впечатлительная зеленовато-чёрная птица с широкими и тупыми крыльями. Завидев



человека, ещё далеко от своего гнезда, она начинает нервничать, летать над ними и спрашивать, хотя и на «вы», вежливо, но раздражённо:

— Чьи вы?.. Чьи вы?.. Чьи вы?..

На этот раз кричал не чибис, а дозорный Коля подавал сигнал опасности Ленину: «Сюда идут три посторонних человека».

Ленин медленно отступил в «зелёный кабинет», и красногрудые птицы не испугались его и не улетели, а на ка-

кое-то время замерли вместе с ним.

На поляну вышли мужчина, женщина и мальчик в гимназической куртке с блестящими пуговицами. Емельянов-старший, опершись о косу, долго и доброжелательно объяснял им, каким путём, по тропинке через болота, пройти на станцию Тарховка.

Они ушли, и Ленин углубился в работу. Он не замечал, как летит время, и очень удивился, когда его позвали ужинать.

За ужином он заметил белые солёные корочки от слёз, высохших на щеках Коля, и, когда они остались одни, тихо спросил его:

— Ты плакал? Отчего?

Коля задышал часто-часто и, стараясь не разрыдаться, рассказал, что вчера на живца поймал большую щуку и спрятал её в стог — к приходу гостей Ленина. А сегодня достал её — щука протухла, да вдобавок её погрызли какие-то зверюшки.

— Щуку, конечно, жалко, — сказал Ленин. — Но огорчаться не надо: мы поймаем другую щуку, не хуже той. А сегодня обязательно пойдём купаться!..

Купаться ходили ночью. Разделись в лодке, сложили одежду на корме, зашли в странно тёплую воду и неслышно поплыли.

Они плыли по озеру, залитому луной, мимо зарослей тростника и не вспугнули уток. Утки спали, засунув голову под крыло, а сторожевая утка с настороженным любопытством проводила взглядом две головы, без шума скользящие по воде.

Они плыли мимо зарослей жёлтых кувшинок и белых лилий. Их цветы, принимая луну за солнышко, были раскрыты и с краями полны голубого света.

— Коля, далеко не заплывай, — попросил Ленин.

Он нырнул — ушёл под воду коротким и сильным, без всплеска, толчком, как утка-нырок, и исчез. Его не было видно долго-долго, и Коля стал беспокоиться. Но вот где-то в немислимой дали показалась голова, и Коля засмеялся от радости.

А Ленин бороздил воду волжскими сажёнками, никак не мог накупаться досыта, и у него сперва было полное ощущение, что он на Волге. Такой здесь простор!

И всё-таки это не Волга.

Чего здесь не хватает? Вот чего — течения, противоборства воде! Емельянов-старший не раз говорил ему о подводном течении, холодном, как лёд...

А что, если попробовать найти его?

Он нырнул и долго-долго шёл в глубину, пока не ощутил толчки ледяных донных родников-живунов. Тут он вспомнил о Коле, который, наверное, волнуется за него, выбрался наверх и не спеша поплыл к берегу.

На берегу Коля спросил Ленина:

— Вы по-морскому плаваете?

— По-волжски. У нас на Волге все так плавают. Я тебя обязательно научу.

На другое утро, набросив пальто на плечи, Ленин сосредоточенно работал в «зелёном кабинете». Но вот он отложил перо и прислушался.

В низинке у озера пел соловей: бульканье, посвисты...

Соловей? На исходе лета? Да ещё в здешнем северном краю? Так не бывает.

Но так было, и Ленин осторожно пошёл на соловьиный щёкот, пока среди деревьев не увидел Колю. Прижав губы к зубам, склонив голову, белую от солнца, мальчик свистел, прислушиваясь к своему свисту-щёкоту, и в глазах его были старательность и радость.

Когда он закончил, Ленин похвалил его:

— Настоящий соловушка.

Коля не удивился, не вздрогнул, а негромко поздоровался. По выражению его лица Ленин понял, что мальчик давно заметил его, только виду не подал.

И Колин соловьиный щёкот — это и от радости жизни, и от желания порадовать Ленина.

— Дождь будет, — сказал Коля. — Комары жгутся — спасу нет.

Они ещё поговорили немного, и Ленин ушёл к себе в «зелёный кабинет».

Сначала капли зашумели в верхушках деревьев. Где-то громыхнул поздний гром, назойливо заплакал чибис, и его голос потонул в шуме дождя. Ленин едва успел убрать бумаги и спрятаться в шалаше, где его ждал связной Рахья, как на поляну обрушился проливной дождь.

— Владимир Ильич, наденьте па-



рик,— требовательно сказал Рахья.— Чибис кричал.

Едва Ленин успел надеть парик, как в проёме шалаша возникла огромная фигура казака с саблей на боку и короткой винтовкой за спиной.

— Подвиньтесь, мужики,— попросил он, протискиваясь в шалаш и наполняя его резкими запахами махорки, ремней и сапожного крема. Он улёгся на сенном полу, утянул ноги в глубь шалаша и пожаловался: — Прохудилось небушко-то!

— Точно не скажу. Начальству виднее. Говорят, он народ мутит. Так его в народе надо искать — в городе. А нас посылают в болота. А в болоте какой же народ? Мне бы не мокнуть тут, а сено косить, зябь поднимать да озимь сеять. Эх, мужики, завидую я вам!

Дождь кончился, и казак ушёл.

— Чиу-вичиу! — донеслось снаружи, и они вылезли из шалаша.

Коля, насквозь мокрый от дождя, раздувал костёр.

— Они к Тарховке ушли.



Ему никто не ответил.

Было слышно, как шумит тяжёлый дождь, и не понять в этом шуме, сколько ещё вооружённых людей там, за пределами шалаша.

Молчание не понравилось казаку, и он возвысил голос:

— Сенá нынче хороши. Вон какой стог вы сметали. Не стог — заглядение. Добрые люди сенокос кончают, а мы бегаем по болотам, как чумные. И всё ищем, ищем.

— Кого ищите-то? — сочувственно спросил Ленин. Казак усмехнулся.

— Ветра в поле. Или чёрта в болоте.

И прибавил, понижая голос:

— Ленина какого-то ищем.

— Ленина? — удивился Ленин.— Кто он такой?

— Кто же его знает? — простодушно ответил казак.— Только велено его доставить живым или мёртвым.

— Мёртвым?! — ужаснулся Ленин.— Что же он такое сделал?

И прибавил с обидой:

— Я вам свистел-свистел... «Чьивы?» Я вот тут стоял.

Рахья, улыбаясь голубыми глазами, вынул из кармана револьвер, со стальным щёкотом прокрутил барабан, проверяя надёжность оружия, и сказал Коле:

— Он у меня был на боевом взводе, когда пожаловал незванный гость.

Прибросил револьвер на ладони и спрятал обратно в карман.

— После дождя клевать будет хорошо,— шепнул Коля Ленину, и оба согласно пошли к озеру.

Удилище было одно на двоих. Они сидели рядышком и смотрели, как на волне качается поплавок — рябенький свиток берёсты. Смотреть пришлось недолго: поплавок без раздумий круто пошёл в глубину, и в четыре руки они выволокли на берег что-то тяжёлое, тёмно-зелёное, развивающееся и свивающееся в кольцо. На берегу щука

сорвалась и запрыгала было к воде, но Коля животом упал на неё и, взяв за жабры, отнёс подальше от озера.

Там они хорошенько рассмотрели добычу. Щука была красива: изумрудная спина, золотистое брюхо, прозрачные перламутровые плавники и широкий, в лучах, хвост. Она так завозилась в траве, разбрызгивая дождевую влагу, что оба невольно отпрянули от неё.

А Коля сказал со вздохом:

— Та крупнее была.

И прибавил:

— А эта — вкуснее.

Ходили они и по грибы, и по ягоды.

В невысоком болотистом лесу повсюду хлюпала, чавкала, вздыхала вода, и Коля вывел своего спутника на сухую гриву. Деревья пошли покрепче, и мшистые бугорки между ними, как куличи, были убраны стеклянно-красной ягодой брусникой; синевато-сизой, словно запотелой, ягодой черникой; нежной ягодой голубикой... Коля говорил, что в дальнем конце озера, который зовётся «Ковш», есть потаённое клюквенное болото. Там клюква — с голубиное яйцо, и на ней до глубокой осени пасутся журавли.

Ягодники собирали ягоды, низко наклоняясь к земле, и она обдавала их распаренные лица сырым дыханием мхов, корней, хвои. От этого клонило в сон, и хотелось лечь на зелёный мох и заснуть под ровный верховой шум леса.

Внезапно из мхов с громом взлетел кто-то чёрно-блестящий, большой, как медведь, с алыми бровями и, с треском ломая ветви, полетел по воздуху в чащу леса.

— Глухарь, — с испуганным уважением сказал Коля. — Близко подпустил.

Вечером, когда они пошли купаться на озеро, потянул сильный ветер. Закипали, накатывались на берег, хрустя кустами, тяжёлые бурые волны. Клубили песок, смешанный с ракушками и обломками камыша. О купанье не могло быть и речи. Лодку на цепи кидало из стороны в сторону, и вдвоём её пришлось вытащить далеко на берег.

Под гуд и грохот этих волн Ленин со сладкой болью вспомнил Волгу, её волны и подумал о том, что лад этих волн слышится в любимой песне «Пловец» на слова его земляка поэта Языкова.

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней.
Будет буря — мы поспорим
И помужествуем с ней.

Он положил руку на плечо Коли, худенькое и мускулистое, и прочитал вслух эти строки. Ветер относил слова, и Коля, наверное, расслышал их не все. Но смысл их понял и согласно и благодарно кивнул.

Рис. М. ПЕТРОВА



ВЕДЁТ К МУРАВЕЙНИКУ?

КАКАЯ ДОРОГА

Нил ГИЛЕВИЧ



ЧТО ЗА ДИКОВИНА,
ЧТО ЗА ДЕЛА



найди

Тянется нитка,
Среди нив петляя,
Лесом, перелеском
Без конца и края.
Ни её порвать,
Ни в клубок смотать.

(Дорога)

Рис. О. ЭСТИСА

НАЙДИ
ДЕСЯТЬ
ГРУШ

Хоть бескрылый, а летает,
Безголосый, а свистит,
Хоть безрукий, но, бывает,
Груши с веток обивает,
Сосны с корнем вырывает —
Так порою он сердит!
Только что он был везде —
Миг — и нет его нигде.

(Берёз)



Главный редактор
Т. АНДРОСЕНКО

Редколлегия:
Я. АКИМ,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Г. ВИЕРУ,
И. ЗАРАХОВИЧ
(зам. главного
редактора),
М. КОРШУНОВ,
В. ЛОСИН,
Г. МАКАВЕЕВА,
В. МАТВЕЕВ,
А. МИТЯЕВ,
К. ОРЛОВА
(ответственный
секретарь),
Е. РАЧЕВ,
Н. СТРЕЛЬНИКОВА,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела
художественного
оформления
В. ШЛЯДИН

Технический
редактор
Г. БЕЛОВА

Ордена Трудового
Красного Знамени
издательско-
полиграфическое
объединение
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»


Сдано в набор 09.02.88.
Подписано
в печать 25.02.88.
Формат 84 × 108¹/₁₆.
Печать офсетная.
Условн. печ. л. 3,36.
Усл. кр.-отг. 13,44.
Уч.-изд. л. 3,9.
Тираж 5 400 000 экз.
Цена 15 коп.
Заказ 27.

Адрес редакции
журнала «Мурзилка»:
125015, Москва,
Новодмитровская ул.,
д. 5а.
Телефон 285-18-81.

Типография ордена
Трудового Красного
Знамени издательско-
полиграфического
объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30,
ГСП-4, Суцёвская, 21.

Макет
М. ЖУРАВСКОГО

Рисунок на обложке
В. КАНЕВСКОГО



Костерок
Под деревцем
Не горит,
Котелок
Не греется,
А кипит.
Кипит, кипит,
Не выкипает,
Рукою тронешь —
Припекает.

(Мурвевин)

Как идёт —
И шестом головы
Не достать,
Упадёт —
Из травы-муравы
Не видать.

(Дюкд)

Шла девчонка с торго,
Несла гороха торбу,
Да рассыпала горох
На четырнадцать дорог.

Ни лопатою сгрести,
Ни метёлкою смести.
А как стало рассветать —
Стало нечего сметать.

(Звезды в небе)

Перевёл Юрий МОГУТИН



Рис. О. СТАЦЕВИЧ

Склей две
половинки



Эти забавные игрушки делают из глины. А после обжига в специальных печах расписывают красками. Особенно известны игрушки из посёлка Дымково, где их раскрашивают цветными горошинами по белому фону, и из села Филимонова — там игрушки покрывают зелё-

ными, красными, жёлтыми полосками. Вырежи фигурки и наклей их на плотную бумагу. Затем склей половинки, кроме рук и ног офицера и красных подставок-полукружий. Офицера посади на лошадку. Получатся игрушки-качалки.



раскрась
лошадку
Цена 15 коп.
Индекс 70553

